Рина Манова

ПРОВЕРКА НА ВЕРНОСТЬ

роман

18+

Рина Манова
Проверка на верность

https://litres.ru/74788767
SelfPub; 2026

Аннотация

Даша зарабатывает на чужих подозрениях. Жёны платят, а она проверяет их мужей: знакомится, флиртует и смотрит, клюнет ли. Сто сорок три проверки, железные правила: не предлагать, не трогать первой, не лгать в отчёте. Никаких чувств, только результат в последней строке.

Новая цель — инженер Антон Северов, сдержанный и невозможно порядочный. Он чинит её «сломанную» машину за три минуты, отдаёт ей свой зонт и уезжает, даже не назвав имени. И впервые за шесть лет Даша не знает, что написать в отчёте.

Она не догадывается, что невеста Антона ненастоящая. Он сам нанял актрису, чтобы через эту проверку выйти на тех, кто стоит за агентством: после такого же «отчёта» его брат лишился семьи. Каждый из них думает, что ведёт свою игру. А за обоими уже наблюдает кто-то третий.

Это роман о любви, которая начинается со лжи, и о двух людях, которым придётся решить, кому верить, когда врут все, даже они сами.

Содержание

Глава 1. Наживка 5
Глава 2. Брат 19
Глава 3. Первый заход 32
Глава 4. Он знает 42
Глава 5. Невеста 54
Конец ознакомительного фрагмента. 55

Проверка на верность

Глава 1. Наживка

Мужчины клюют на одно и то же. Даша Ковалёва знала это так же твёрдо, как таблицу умножения, и почти так же давно.

Они клюют не на грудь, не на ноги и не на платье, хотя платье, конечно, помогает. Они клюют на внимание. На то, что кто-то смотрит на них так, будто они ещё способны удивить. Жена смотрит иначе: она знает, как он храпит, сколько раз за вечер проверяет почту и что он на самом деле думает о её маме. А незнакомка в баре смотрит так, будто перед ней не уставший сорокалетний человек с ипотекой, а загадка.

На загадку клюют все. Почти все.

— Вы ведь не местная, — сказал Игорь Валентинович Ляхов, наклоняясь к ней через стойку так, что запах его парфюма — тяжёлого, дорогого, выбранного явно не им самим — накрыл её с головой. — У нас в Москве так не улыбаются.

— А как у вас улыбаются? — спросила Даша и улыбнулась ещё раз, чуть шире, чуть медленнее.

— Вежливо. А вы — по-настоящему.

В сумочке, лежавшей на соседнем табурете, работал диктофон. В брошке на лацкане жакета — крошечная камера, купленная в агентстве за сумму, на которую можно было бы месяц снимать однушку в Химках. Даша сидела вполоборота, чтобы объектив смотрел ровно на Ляхова, и думала о

том, что у его жены, Светланы Ляховой, очень красивый почерк. Светлана написала свою анкету от руки, хотя её никто не просил. Три страницы мелким наклонным почерком отличницы. «Мы вместе девятнадцать лет. Он стал задерживаться. Он поставил пароль на телефон. Я не хочу устраивать сцен, я просто хочу знать».

Все они хотели просто знать.

— Я из Петербурга, — соврала Даша. — Приехала на конференцию.

— О, конференция! А по какой теме?

— Логистика. Очень скучно.

— Вот уж не поверю, что рядом с вами может быть скучно.

Он заказал ей второй бокал — она не просила. На третьем он положил ладонь ей на колено — она не отодвинулась, но и не придвинулась. Это было важно. Даша никогда не делала первого шага за них. Её кодекс был короткий, как молитва, и она повторяла его про себя перед каждой встречей.

Не предлагать. Не трогать первой. Не лгать в отчёте. Если не клюнул — значит, не клюнул.

Ляхов клюнул.

— Слушайте, — сказал он, понизив голос, и большой палец его руки совершил на её колене медленный круг. — А что, если нам продолжить где-нибудь поспокойнее? Я знаю тут недалеко один отель, там прекрасный бар на крыше...

— А ваша жена не будет против? — спросила Даша. Это был обязательный вопрос. Последний шанс.

Ляхов посмотрел на обручальное кольцо так, будто видел его впервые, и рассмеялся.

— Моя жена, — сказал он, — давно ничего не замечает.

Даша выключила внутри себя что-то тёплое и маленькое — то, что каждый раз надеялось, что сегодня будет иначе.

— Мне нужно в дамскую комнату, — сказала она. — Подождите меня пять минут.

Она не вернулась. Ляхов ждал её сорок минут — она видела это через стеклянную витрину из такси, которое так и стояло у обочины с включённым счётчиком. Ждал, проверял телефон, заказал ещё виски, снова проверял телефон. Потом расплатился и ушёл, сутулясь, и Даше на секунду стало его жаль. Как всегда. Как всегда — ровно на секунду.

Светлана Ляхова пришла в агентство на следующий день, в одиннадцать утра, в бежевом пальто и с таким прямым позвоночником, что Даша сразу поняла: она всё уже знает. Они почти всегда знают заранее. Им нужно не знание, им нужно доказательство — чтобы перестать сомневаться в себе.

Офис агентства «Лакмус» занимал половину этажа старого особняка на Покровке: высокие потолки, лепнина, мягкие кресла цвета топлёного молока и ни одной таблички на двери. Клиентки приходили по рекомендации. Через подругу, через косметолога, через психотерапевта, который «вообще-то такое не советует, но если вам нужно...». Сюда не попадали случайно.

— Вы уверены, что хотите посмотреть видео? — спросила

Даша. — Я могу просто рассказать.

— Я хочу посмотреть.

Даша развернула к ней ноутбук. Светлана смотрела молча, не моргая. На моменте с рукой на колене у неё дрогнул уголок рта. На словах «моя жена давно ничего не замечает» она закрыла глаза.

— Спасибо, — сказала она, когда видео кончилось. — Вы очень... профессиональны.

— Мне жаль.

— Не надо. — Светлана открыла глаза, и они были сухими. — Знаете, что самое смешное? Я всё замечала. Я замечала, когда он перестал целовать меня утром. Когда начал покупать новые рубашки. Я замечала всё девятнадцать лет. Он просто думал, что раз я молчу — значит, не вижу.

Она расплатилась наличными, аккуратно положив купюры на край стола, и ушла, не попрощавшись. Даша долго смотрела на закрывшуюся дверь.

— Опять переживаешь? — Лера Шмидт вошла без стука, с двумя стаканами кофе, один из которых тут же поставила перед Дашей. Лера была на год старше, на голову выше и на целую жизнь циничнее. Рыжая, с веснушками, которые она замазывала тональным кремом на работе и выставляла напоказ по выходным. — Я тебе сколько раз говорила: ты не виновата, что они изменяют. Ты как градусник. Градусник не виноват, что у человека температура.

— Я знаю.

— Ничего ты не знаешь. У тебя на лице написано: «Ах, бедный мужик, а вдруг у него был плохой день».

— У него был плохой день, — сказала Даша. — У него девятнадцать лет был плохой день. Просто она об этом не знала.

Лера фыркнула и отпила кофе.

— Философ. Вика тебя ищет, кстати. Сказала зайти, как освободишься. У неё для тебя что-то особенное.

— Особенное?

— Так и сказала. «Скажи Даше, у меня для неё особенный». — Лера помолчала. — Мне она таких не даёт.

В голосе её было что-то, чего Даша не смогла распознать, — не зависть, нет, что-то другое. Усталость? Облегчение? Но Лера уже улыбалась своей обычной кривоватой улыбкой и уходила, помахивая стаканом.

Виктория Сергеевна Лунёва никогда не сидела за столом. У неё в кабинете стола не было вовсе — только низкий диван, два кресла и журнальный столик из цельного куска оникса, на котором всегда стояла ваза с белыми пионами. Зимой и летом. Даша однажды спросила, где она берёт пионы в январе. Виктория улыбнулась и сказала: «Там же, где и всё остальное, — у тех, кто мне должен».

Ей было пятьдесят два года, и выглядела она на сорок, но не потому, что прятала возраст, а потому, что носила его как дорогое украшение — с достоинством и без суеты. Короткая серебристая стрижка, светлые глаза, привычка смотреть на

собеседника чуть дольше, чем принято. Даша работала на неё шесть лет и до сих пор иногда чувствовала себя под этим взглядом семиклассницей у доски.

Виктория нашла её, когда Даше был двадцать один год. Она тогда работала официанткой в ресторане на Патриарших, где Виктория ужинала по четвергам, и однажды, принося десерт, увидела за соседним столиком своего отца. С женщиной, которая не была её матерью. С женщиной и с мальчиком лет восьми, который называл его папой.

Даша тогда уронила поднос. Крем-брюле разлетелось по паркету, и отец обернулся на звон, и посмотрел на неё — и не узнал. Или сделал вид. Она до сих пор не знала, что хуже.

На следующий четверг Виктория оставила ей на чай визитку. На визитке не было ничего, кроме имени и номера телефона. А на обороте, ручкой: «Вы умеете замечать. Это редкость».

Мама узнала про вторую семью отца только через три года, когда он умер от инфаркта и на похороны пришли двое вдов. Мама прожила после этого ещё два года и всё время повторяла одно и то же: «Если бы я знала раньше. Если бы я знала раньше, я бы прожила другую жизнь». Даша слышала эти слова каждый раз, когда садилась напротив очередного Ляхова.

Если бы я знала раньше.

Вот зачем она делала эту работу. Не из-за денег, хотя деньги были хорошие. Не из-за азарта, хотя азарт тоже был. А

потому, что какая-то женщина где-то сейчас сидела на кухне и думала: «Наверное, я себе всё придумываю». А Даша могла сказать ей: нет. Не придумываешь. Ты не сумасшедшая. Ты просто видишь.

Или — что случалось реже, но случалось — могла сказать: успокойся. Он чист. Он тебя любит. Он просто устал на работе.

За шесть лет у неё было сто сорок три проверки. Двадцать семь мужчин не клюнули. Даша помнила каждого из этих двадцати семи по имени — и любила их тихой, благодарной любовью, как любят редкие солнечные дни в ноябре.

— Садись, — сказала Виктория, указав на кресло. — Как Ляхова?

— Держится.

— Они всегда держатся. Это потом, дома, начинается. — Виктория взяла с ониксового столика тонкую папку и протянула Даше. — У меня для тебя новое дело. Особенное.

— Лера сказала.

— Лера много говорит. — Виктория чуть заметно поджала губы. — Открой.

В папке лежала фотография. Мужчина лет тридцати пяти, снятый, судя по всему, издалека, на телефон: он выходил из машины у какого-то бизнес-центра, придерживая дверь локтем, в руках — тубус для чертежей и бумажный стакан. Тёмные волосы, коротко стриженные, но небрежно, как будто последний раз он был у парикмахера месяца два назад и

с тех пор не находил времени. Резкий профиль. Сосредоточенный, чуть нахмуренный взгляд человека, который в голове что-то считает.

Он не был красивым в том смысле, в каком бывают красивы мужчины на рекламе часов. Он был — Даша поискала слово — *собранным*. Как будто в нём ничего не болталось.

— Антон Андреевич Северов, — сказала Виктория. — Тридцать четыре года. Инженер-конструктор, мосты и путепроводы. Своё проектное бюро, небольшое, человек двадцать. Не пьёт, почти не курит — бросает третий год. Живёт один, в Хамовниках. Через два месяца свадьба.

— Заказчица — невеста?

— Кира Белова. Двадцать девять лет, работает в event-агентстве. Пришла по рекомендации, три дня назад.

Даша перевернула страницу. Анкета Киры была напечатана на компьютере, коротко и деловито.

«Мы вместе полтора года. Он идеален. Именно поэтому я ему не верю. Мне нужно знать, что он такой на самом деле, до того, как я подпишу документы».

— Интересно, — сказала Даша.

— Что именно?

— Обычно пишут, что что-то изменилось. Он стал поздно приходить, прячет телефон. А тут — он идеален, поэтому я не верю. — Даша подняла глаза. — Это не ревность. Это страх.

— Это деньги, — мягко поправила Виктория. — У Севе-

рова неплохие активы. Бюро, квартира, участок в Подмосковье. Девочка хочет понять, не придётся ли ей через пять лет делить всё это в суде. Брачный договор — штука такая. Его лучше подписывать с открытыми глазами.

— Он знает про брачный договор?

— Это он его и предложил.

Даша снова посмотрела на фотографию. На руку, придерживающую дверь машины. На бумажный стакан.

— А почему «особенное»? — спросила она. — Обычный заказ.

Виктория откинулась на спинку дивана и сложила руки на колене. Её светлые глаза стали ещё светлее — так бывало, когда она говорила что-то важное.

— Потому что он не клюнет, — сказала она. — Я навела справки. У него не было ни одной случайной истории за последние пять лет. Ни одной. Он не ходит в бары. Не знакомится в интернете. Не флиртует с секретаршами — у него, кстати, секретарь — мужчина пятидесяти восьми лет. Он работает, ездит к брату и иногда ходит на скалодром. Всё.

— Тогда я так и напишу. Чист.

— Через неделю? — Виктория чуть приподняла бровь. — Клиентка платит за полный цикл. Шесть недель. Тройной тариф.

Даша присвистнула. Тройной тариф за шесть недель — это была сумма, которую она зарабатывала за полгода.

— За что тройной?

— За гарантию, — сказала Виктория. — Кира Белова хочет быть уверена. Не просто «он не ответил на флирт в баре». А «он не ответил ни на что, что бы с ним ни делали». Она хочет, чтобы его проверили по-настоящему. И я решила, что по-настоящему его можешь проверить только ты.

— Почему я?

— Потому что ты умная. — Виктория улыбнулась. — А такие, как он, клюют только на умных. Если вообще клюют.

Даша закрыла папку. В голове у неё уже начинало складываться — как всегда в начале: точки пересечения, привычки, маршруты. Скалодром. Кофейня возле бюро. Брат. Нужно будет узнать про брата.

— Есть ещё одно, — сказала Виктория, когда Даша уже поднималась. — Кира просила об одном условии. Она хочет иногда получать промежуточные отчёты. Не раз в неделю, как обычно, а чаще. Иногда — сразу после встречи.

— Нервничает?

— Видимо. Я согласилась. Отчёты будут идти через меня, как обычно. Ты пишешь мне, я пересылаю ей.

— Хорошо.

Даша уже взялась за ручку двери, когда Виктория окликнула её снова:

— Даша.

— Да?

— Не влюбись в него.

Даша рассмеялась.

— За шесть лет ни разу не влюблялась.

— Я знаю. — Виктория смотрела на неё своим долгим, светлым взглядом. — Поэтому и говорю.

Вечером Даша сидела на подоконнике своей квартиры на Соколе — маленькой, с огромным окном и видом на крыши, — с ногами на батарее и ноутбуком на коленях, и изучала Антона Северова.

Он был в соцсетях так, как бывают в них люди, которые зарегистрировались один раз по требованию работы и больше туда не заглядывали. Страница бюро: проекты, грамоты, фотографии мостов. Мост через какую-то речку в Тверской области, тонкий, как струна. Путепровод на развязке МКАД. Пешеходный мост в парке, изогнутый, как лук. Подпись: «Мост — это обещание, которое берег даёт другому берегу». Даша хмыкнула. Неплохо для инженера.

Личная страница: три фотографии за пять лет. Одна с горы — он в шапке, обветренный, улыбается кому-то за кадром. Одна с ребёнком на плечах — мальчик лет пяти, белобрысый, хохочущий. Подпись: «Племянник Тёма и его новое транспортное средство». Третья — двое мужчин на рыбалке, у костра. Один — Антон. Второй — постарше, похожий на него, но шире, мягче, с открытым смешливым лицом. Подпись: «С братом. Лучший день лета».

Фотография была трёхлетней давности. После неё — ничего.

Даша нашла брата. Глеб Андреевич Северов, тридцать де-

вять лет. Совладелец строительной компании «Северкон». Точнее — бывший совладелец: в прошлом году он продал свою долю. Даша открыла его страницу. Последняя публикация — полтора года назад. Фотография пустой детской комнаты, без подписи. Под ней — сорок два комментария. «Глеб, держись». «Брат, мы с тобой». «Позвони мне, пожалуйста». «Глеб, ты где?? Не берёшь трубку».

Она закрыла страницу, и ей стало неуютно, будто она подсмотрела в чужое окно не то, что следовало.

Ну и что, сказала она себе. *У людей бывает горе. Это не моё дело. Моё дело — Антон.*

Она снова открыла фотографию с рыбалки и долго смотрела на Антона у костра. Он не улыбался в камеру. Он смотрел на брата, и в этом взгляде было что-то такое — внимательное, беспокойное, нежное, — что Даша почувствовала странный укол где-то под рёбрами.

Так смотрят люди, которые умеют любить. Которые помнят, как ты храпишь, и всё равно смотрят так.

Не влюбись в него, сказала Виктория.

— Да ну, — вслух сказала Даша пустой кухне и захлопнула ноутбук. — Глупости.

Но в ту ночь она долго не могла уснуть, и в темноте, под стук дождя по жестяному карнизу, ей почему-то представлялся мост — тонкий, как струна, — и человек, который стоит на его середине и не может решить, к какому берегу идти.

Утром, ровно в восемь тридцать, Даша сидела в кофейне

напротив бизнес-центра «Озёрный» на Пречистенской набережной, где на шестом этаже располагалось проектное бюро «Северов и партнёры». Перед ней стоял нетронутый капучино и лежала раскрытая книга, которую она не читала.

В восемь сорок две у входа остановился тёмно-серый «Вольво». Антон Северов вышел из машины, придерживая дверь локтем — ровно как на фотографии, — с тубусом в одной руке и телефоном в другой. Он говорил с кем-то, хмурился, коротко кивал. На нём было тёмное пальто нараспашку, под ним серый свитер. Ни галстука, ни портфеля.

Он прошёл в трёх метрах от окна кофейни, за которым сидела Даша, и не посмотрел в её сторону.

А потом остановился. Сказал что-то в телефон, убрал его в карман. Развернулся — и вошёл в кофейню.

Даша опустила глаза в книгу так быстро, что почувствовала, как кровь прилила к щекам. Это было непрофессионально. За шесть лет она ни разу не краснела на первом наблюдении.

Он подошёл к стойке, заказал двойной эспрессо — голос был низкий, спокойный, с лёгкой хрипотцой человека, который мало спал, — расплатился, поблагодарил бариста по имени. *Спасибо, Оля.* Он знал, как зовут бариста. Даша отметила это машинально, как отмечала всё.

Потом он взял свой эспрессо, развернулся к выходу — и на секунду его взгляд скользнул по залу. По пустым столикам, по мужчине с ноутбуком у стены, по окну. По ней.

Секунда. Может, меньше.

Он не задержался на ней. Не улыбнулся, не кивнул. Просто посмотрел — так, как смотрят на погоду за окном, — и вышел.

Даша выдохнула. Пальцы, лежащие на книге, чуть подрагивали.

Он не клюнет, сказала Виктория.

Даша посмотрела ему вслед — на широкую спину в тёмном пальто, на то, как он поднимается по ступенькам бизнес-центра, перешагивая через одну.

— Посмотрим, — сказала она тихо, и в груди у неё зажглось то самое чувство, которого она не испытывала уже очень давно. Азарт. Чистый, звонкий, как удар по хрустальному бокалу.

Она ещё не знала, что Антон Северов, поднявшись на шестой этаж, подошёл к окну своего кабинета, отодвинул край жалюзи и долго, очень долго смотрел на кофейню напротив. На окно. На девушку с книгой, которая так и не перевернула ни одной страницы.

А потом достал телефон и написал короткое сообщение: *«Кажется, началось»*.

Глава 2. Брат

Антон Северов не верил в случайности. Это была профессиональная деформация, и он её за собой знал. Мост не падает случайно. Он падает потому, что кто-то ошибся в расчётах нагрузки, или сэкономил на арматуре, или пропустил трещину в опоре, потому что торопился домой. За каждой катастрофой стоит человек. Иногда — несколько.

За катастрофой, случившейся с его братом, тоже кто-то стоял. Антон понял это не сразу. Понадобился год.

В пятницу вечером он, как всегда, поехал на Сокольники. Там, в панельной девятиэтажке, в однокомнатной квартире, которую Антон снимал для него, жил теперь Глеб. Раньше Глеб жил в доме на Новорижском шоссе, с садом, качелями и собакой по кличке Бармалей. Раньше у Глеба были жена Марина, сын Тёма и дочка Соня, которой сейчас должно было исполниться три. Раньше у Глеба была половина строительной компании, которую он поднимал с нуля пятнадцать лет.

Теперь у Глеба была однокомнатная квартира на Сокольниках, телевизор и привычка пить коньяк из чайной чашки, чтобы самому себе казаться, будто пьёшь чай.

Антон открыл дверь своим ключом. В квартире пахло пылью, несвежим бельём и коньяком. Телевизор работал без звука. Глеб спал на диване в джинсах и свитере, обняв диванную подушку, как ребёнок. На столе стояла нетронутая

коробка с пиццей и почти пустая бутылка.

Антон постоял, глядя на брата. Глеб был старше на пять лет, и всю жизнь — всю жизнь! — был тем, кто защищал. Когда Антону было семь, Глеб подрался с тремя семиклассниками, отнявшими у него велосипед, и пришёл домой с разбитой губой и велосипедом. Когда Антону было пятнадцать и умер отец, Глеб бросил институт и пошёл работать прорабом, чтобы мама не взяла третью работу. Когда Антон поступал в МИИТ, именно Глеб сидел с ним ночами над задачами по сопромату, хотя сам ничего в них не понимал, — просто сидел рядом, варил кофе и рассказывал дурацкие анекдоты, когда Антон начинал сдаваться.

Глеб был самым сильным человеком, которого Антон знал.

И вот он лежал здесь, обняв подушку, с седой щетиной на щеках, которой год назад не было.

Антон убрал бутылку в шкаф, выкинул пиццу, открыл форточку. Холодный октябрьский воздух ворвался в комнату, и Глеб заворочался, замотал головой, открыл глаза.

— Тошка, — сказал он хрипло. Тошкой Антона не называл никто, кроме брата и покойной мамы. — А что, уже пятница?

— Пятница.

— Чёрт. — Глеб сел, потёр лицо ладонями. — А я думал, среда.

— Ты ел?

— Ел.

— Что?

Глеб подумал. Признаться, что не помнит, было хуже, чем солгать, и он просто махнул рукой. Антон прошёл на кухню, поставил на плиту сковороду и разбил в неё четыре яйца из привезённого с собой пакета. Он всегда привозил с собой пакет. Яйца, хлеб, кефир, яблоки. Иногда на следующей неделе находил яблоки нетронутыми и морщинистыми, как стариковские щёки, и привозил новые.

Глеб стоял в дверях кухни и смотрел, как он готовит.

— Марина звонила, — сказал он наконец.

Антон замер с лопаткой в руке.

— И?

— У Соньки в воскресенье день рождения. Три года. — Глеб усмехнулся, и усмешка вышла кривая, чужая. — Она сказала, что мне не нужно приезжать. Что Соня меня уже не помнит и нечего её путать. Что у садика её забирает дедушка и всех это устраивает. Звонила сказать, чтобы я не приезжал. Вот так.

Яйца шкворчали на сковороде. Антон положил лопатку.

— Глеб...

— Не надо. — Глеб поднял ладонь. — Только не надо опять про то, что я ни в чём не виноват. Я сам знаю, что не виноват. Но она видела фотографии, Тошка. Она видела видео. Там был я. Я себя сам видел. И как я ей докажу, что это не было тем, чем кажется, если я сам не помню, что там

было?

Антон знал эту историю наизусть. Он слышал её от Глеба раз сто — пьяного и трезвого, плачущего и окаменевшего. История была простая, как все подлости.

Полтора года назад у «Северкона» шли переговоры о большом контракте. Жилой квартал под Красногорском, миллиарды, десять лет работы. Глеб и его партнёр, Борис Кречетов, каждый вечер встречались с кем-то из заказчиков. Однажды вечером, после такой встречи в ресторане на Тверской, к Глебу подсела девушка. Рыжая, весёлая, очень красивая. Она спросила, не знает ли он, где тут поблизости аптека, у неё разболелась голова. Глеб предложил ей таблетку из своей аптечки — Марина всегда клала ему в портфель аптечку. Они разговорились. Она смеялась. Он выпил ещё один бокал.

И дальше он не помнил ничего.

Утром он проснулся в своей машине на парковке у ресторана, с чудовищной головной болью и расстёгнутой рубашкой. В кармане нашёл чек из гостиницы «Маринс Парк» — номер на одну ночь, оплачено его картой. А через три дня Марина положила перед ним на кухонный стол планшет.

Там были фотографии. Глеб и рыжая девушка целуются у стойки. Глеб и рыжая девушка входят в лифт гостиницы, его рука у неё на талии. Глеб в номере, на кровати, без рубашки, и она сидит на нём верхом, спиной к камере, и её рыжие волосы рассыпаны по голой спине.

И ещё был договор. Договор об оказании услуг между Мариной Владимировной Северовой и агентством «Лакмус». «Консультационные услуги в сфере семейных отношений».

— Я сама не хотела, — сказала тогда Марина, и голос у неё был мёртвый. — Мне подруга посоветовала. Сказала, чтобы я успокоилась. Что ты пройдёшь, и я буду спать спокойно. Я была уверена, что ты пройдёшь. Глеб. Я была уверена.

Через месяц она подала на развод. Через два — уехала с детьми к родителям в Вологду. Глеб пил три месяца без перерыва. Контракт под Красногорском был подписан без него — Кречетов справился сам. А ещё через два месяца Кречетов приехал к Глебу с папкой документов и сочувственным лицом.

— Ты же сам понимаешь, старик, — сказал он. — Ты сейчас не в форме. А бизнес не ждёт. Давай я выкуплю твою долю. По честной цене. Ты отдохнёшь, придёшь в себя, а потом, если захочешь, вернёшься назад.

«Честная цена» оказалась в четыре раза ниже рыночной. Глеб подписал, не читая. Он тогда ничего не читал.

Антон узнал об этом слишком поздно. Он был тогда в Хабаровске, на объекте, мост через Амур — самый большой проект в его жизни, девять месяцев вдали от Москвы, и Глеб по телефону говорил ему бодрым голосом: «Всё нормально, Тошка, у нас с Маринкой просто кризис, разберёмся». Антон поверил. Он всегда верил Глебу.

Этого он себе тоже не простил.

Глеб ел яичницу медленно, как будто забыл, как это делается. Антон сидел напротив и смотрел на него.

— Я вчера видел её, — сказал он.

Глеб не поднял глаз.

— Кого?

— Ту, которую они прислали. Ко мне.

Вилка замерла. Глеб поднял глаза — мутные, красные, но внезапно цепкие, как в старые времена.

— Ты всё-таки это сделал. Тошка, я же тебя просил.

— Ты просил не лезть в это. Я не могу не лезть.

— Зачем? Чтобы что? — Глеб бросил вилку, и она звякнула о тарелку. — Ты думаешь, она вернётся? Марина? Если ты докажешь, что меня подставили? Тошка, я всё равно выпил с ней. Я всё равно сидел и смеялся, и мне было приятно, что красивая девушка смеётся моим шуткам. Я всё равно...

— Ты не спал с ней.

— Я не помню.

— А я знаю. — Антон наклонился вперёд. — Глеб. Ты за всю жизнь ни разу не проснулся, не помня, что было. Ни разу. Даже на своём мальчишнике, когда вы с Костей выпили всю стратегическую текилу в Калининграде. Ты всё равно помнил, кто танцевал на столе. А тут — два бокала вина и провал на двенадцать часов? Тебе что-то подмешали. И потом сняли то, что им было нужно.

Глеб молчал.

— Я разговаривал с наркологом, — продолжал Антон.

— Это типичная картина. И ещё. У тебя на спине родинка. Большая, рядом с лопаткой, ты её в детстве стеснялся. Так вот, на фотографии в номере ты лежишь на спине. А на третьей — та, где ты стоишь у окна, — спина чистая. Без родинки.

Глеб побледнел.

— Что?

— Это не ты, Глеб. На третьей фотографии — не ты. Какой-то мужик твоего сложения и с такими же волосами. Лица не видно. Я просидел над этими фотографиями полгода. У Марины сохранились копии, я выпросил у неё, сказал, что для адвоката. И видео нарезано. Там склейки, грубые. Кто-то торопился.

Глеб долго смотрел на брата. Потом он закрыл лицо ладонями, и плечи его затряслись — беззвучно, страшно, как трясётся мост перед тем, как рухнуть.

Антон встал, обошёл стол и обнял его. Глеб был тёплый, тяжёлый и пах коньяком и детством.

— Я думал, что я сволочь, — сказал Глеб в его свитер. — Год. Целый год я думал, что я сволочь, Тошка.

— Ты не сволочь. Ты дурак, что не сказал мне сразу. Но не сволочь.

Кира Белова пришла в бюро в субботу, когда там никого не было, в жёлтом пуховике, кедах и с бумажным пакетом пирожков из пекарни на углу.

— Настоящая невеста, — сказала она с порога, — прино-

сит жениху еду на работу в выходной. Я вхожу в роль. С капустой или с мясом?

— С мясом.

— Я так и думала. У тебя лицо человека, который ест пирожки с мясом и не задаёт вопросов.

Кира была актрисой. На самом деле, а не в анкете. Небольшой театр на Чистых прудах, роли второго плана, два сериала, в которых она играла лучшую подругу главной героини, и корпоративы, на которых она вела лотереи. Антон познакомился с ней три месяца назад, когда его бюро проектировало декорацию-мост для спектакля — театр попросил что-нибудь, по чему можно пройти восьмерым актёрам и одному живому козлу, и чтобы оно не рухнуло. Антон проектировал его сам, в выходные, потому что никто из сотрудников не взялся считать нагрузку от козла.

На премьере Кира играла женщину, которая уходит по этому мосту от мужа. Она шла медленно, останавливаясь на каждой доске, и зал молчал так, что было слышно, как скрипит дерево. А потом, на банкете, подошла к Антону и сказала: «Это вы сделали? Спасибо. Я ни разу не боялась упасть. Это редкость — не бояться упасть».

Именно тогда он и решил, что она подойдёт.

Между ними ничего не было и не могло быть. У Киры была девушка, художница по свету Яся, с которой они снимали комнату в Коломенском и копили на поездку в Лиссабон. Антон платил Кире столько, что Лиссабон приблизился на

два года.

— Ну, — сказала Кира, усаживаясь на его стол прямо поверх чертежей и болтая ногами. — Рассказывай. Какая она?

Антон не сразу ответил. Он вспомнил девушку у окна кофейни. Тёмные волосы, собранные в небрежный узел. Серый свитер с высоким горлом, такой же, как у него, — что он сначала сочёл случайностью, а потом нет. Книга, которую она не читала. И то, как она опустила глаза, когда он вошёл, — слишком быстро. И то, как она покраснела.

Именно это его и сбило с толку. Он ждал профессионалку. Холодную, расчётливую суку с камерой в сумочке, такую, как та рыжая, что сломала жизнь его брату. А увидел — что?

Девушку, которая покраснела.

— Тёмненькая, — сказал он. — Лет двадцати пяти-двадцати семи. Хорошо подготовлена — знала, во сколько я приезжаю, знала, что я захожу в эту кофейню. Одета так, чтобы не бросаться в глаза. Умно. Тот тип, которому не нужно красное платье.

— Красивая?

— Какая разница?

Кира перестала болтать ногами и посмотрела на него с интересом.

— Северов. Ты сейчас сказал «какая разница» так, как говорят мужчины, которые считают женщину очень красивой и не хотят в этом признаваться даже себе. Я актриса, я слышу интонации.

— У тебя излишне развитое воображение.

— У меня излишне развитый слух. — Кира спрыгнула со стола и встала напротив него, вдруг серьёзная. — Антон, послушай. Я в это вписалась, потому что ты хороший человек и потому что мне нужны деньги. И потому что та история с твоим братом — это чудовищно. Но ты понимаешь, что та девочка в кофейне может быть ни при чём? Что она просто исполнитель?

— Та рыжая тоже была исполнителем.

— Именно. И ты её ненавидишь. А что, если её тоже использовали? Что, если она сама не знала, что потом сделают с её фотографиями?

Антон помолчал.

— Она знала, — сказал он. — Она была там, в номере. Она сидела на чужом мужике для фотографии, а мой брат в это время валялся без сознания в машине. Нет, Кира. Она знала.

— Та — знала. А эта?

Он не ответил. Он смотрел в окно — на кофейню внизу, пустую в субботнее утро, на окно, у которого вчера сидела она.

План был простой. Антон придумал его за два недели, а дорабатывал три месяца. Агентство «Лакмус» не имело сайта, адреса в открытых источниках, телефона в справочниках. Юридически это было ООО «Лакмус-Консалтинг», зарегистрированное на какую-то пенсионерку из Подольска. Их ад-

рес передавали из рук в руки, как секретный рецепт, и попасть туда можно было только через рекомендацию. Марина наотрез отказалась с ним говорить, а её подруга, та, что посоветовала агентство, и вовсе сделала вид, что не понимает, о чём речь.

Значит, нужно было стать клиентом. А вернее — стать целью.

Кира нашла рекомендацию за неделю — через жену режиссёра, которая в прошлом году «проверяла» мужа и до сих пор считала, что потратила деньги отлично. Она пришла в особняк на Покровке в строгом костюме, с помолвочным кольцом, которое Антон купил для неё в тот же день, и сыграла женщину, которая боится счастья. Виктория Лунёва послушала её, наклонив голову, и сказала: «У меня есть для вас очень хороший специалист».

А потом назвала цену, и Кира, по её собственным словам, впервые в жизни чуть не вышла из роли.

Суть была в том, чтобы позволить агенту подойти. Позволить ей поверить, что она близко к цели. А самому — собирать всё: записи, переписку, имена, деньги. Понять, как работает система. И, если Антон прав — а он был уверен, что прав, — в какой-то момент агентство сделает с ним то же, что с Глебом. Подложит то, чего не было. И вот тогда он поймает их за руку.

За три месяца он поставил камеры в квартире, настроил запись всех звонков и купил диктофон, который выглядел

как обычная флешка на брелке с ключами. Он нанял частного детектива, бывшего опера по фамилии Стрельцов, который за два месяца раскопал про «Лакмус» ровно столько, чтобы сказать: «Антон Андреевич, там чисто, как в операционной. Слишком чисто. Так не бывает, если за спиной никого нет».

Оставалось только ждать.

И вот она пришла. Девушка, которая покраснела.

— Знаешь, что самое смешное? — сказала Кира, доставая из пакета пирожок с капустой. — Я в анкете написала: «Он идеален. Именно поэтому я ему не верю». Я это придумала для роли. А вчера перечитала и подумала: чёрт, а ведь правда. Ты такой правильный, Северов, что тебе нельзя верить. Такие правильные всегда ломаются красивее всех.

— Я не сломаюсь.

— Конечно, — ласково сказала Кира и откусила пирожок. — Мосты тоже так говорят. Прямо перед тем, как рухнуть.

В понедельник девушки в кофейне не было.

Антон отметил это с такой острой вспышкой разочарования, что сам разозлился. Он взял свой эспрессо, поблагодарил Олю, поднялся наверх и до обеда пересчитывал опору путепровода для варианта на сваях, хотя пересчитывать её было не нужно.

Во вторник её тоже не было.

В среду он словил себя на том, что ищет её глазами в лифте, в лобби, на парковке, и презирал себя за это.

А в четверг вечером, когда он выезжал с подземной парковки под ледяной октябрьский дождь, на обочине в ста метрах от въезда стояла маленькая белая машина с включённой аварийкой и открытым капотом. Рядом с ней, в лёгком пальто, без зонта, промокшая насквозь, стояла она и смотрела в мотор с таким видом, будто мотор лично её оскорбил.

Антон затормозил.

«Не останавливайся, — сказал он себе. — Старый как мир трюк. Девушка в беде. Проезжай мимо, пусть старается».

Но он уже включил поворотник. Потому что даже если это трюк — дождь был настоящим, и девушка в лёгком пальто дрожала по-настоящему. И потому что он ждал её три месяца.

И потому — в этом он не признался себе даже спустя много недель, — что четыре дня без неё оказались странно длинными.

Глава 3. Первый заход

Старичок «пежо» Даша купила четыре года назад именно для таких случаев. Он ломался по заказу: стоило выдернуть один разъём возле аккумулятора, и мотор глох, горели все лампочки на приборной панели и ни один мужчина, самый самоуверенный даже, не мог найти причину меньше чем за двадцать минут. Двадцати минут ей обычно хватало.

Дождь, правда, в план не входил. К тому моменту, когда тёмно-серый «Вольво» мигнул поворотником и притормозил у обочины, Даша промокла до нитки. Она нарочно не взяла зонт — женщина с зонтом выглядит человеком, у которого всё под контролем, — но не рассчитывала, что ласковая морось за первые десять минут ожидания превратится в ледяной ливень. Вода текла за шиворот, в сапоги, в рукава. Пальцы у неё окоченели, и зубы стучали по-настоящему.

Он вышел из машины, на ходу раскрывая большой чёрный зонт.

— У вас проблемы?

Голос был тот же, что в кофейне. Низкий, чуть хрипловатый. Без лишнего участия и без лишнего холода — так спрашивает врач, что у вас болит.

— Нет, что вы, — сказала Даша, и зубы её предательски клацнули. — Я просто люблю стоять под дождём и смотреть в двигатели. Это моё хобби.

Уголок его рта чуть дрогнул. Не улыбка — её зачаток, подавленный в зародыше. Он шагнул ближе и поднял зонт так, чтобы он накрыл и её, и открытый капот. Сам он при этом наполовину оказался под дождём, и Даша отметила это тем же холодным уголком сознания, который всегда вёл протокол. *Держит зонт над женщиной, а не над собой. Инстинктивно.*

— Держите, — сказал он и вложил ручку зонта ей в руку.

Ручка была тёплой от его ладони. Даша сжала её обеими замёрзшими пальцами, а он тем временем наклонился над двигателем, не обращая внимания на то, что дождь бьёт ему прямо в спину.

— Заводится?

— Нет. Всё горит и молчит.

— Стартер не крутит?

— Я не знаю, что такое стартер, — честно сказала Даша. Это была неправда, но такая, которую легко сыграть.

Он провёл пальцами по проводам, нащупал что-то, наклонился ниже. Даша смотрела на его затылок, на капли дождя, втекающие за ворот пальто, на широкие лопатки под намокшей тканью. Двадцать минут, думала она. За двадцать минут можно рассказать о конференции, посмеяться над собой, признаться, что ничего не понимаешь в машинах и потому так ценишь мужчин, которые...

Щёлк.

Он выпрямился.

— Попробуйте сейчас.

Даша села за руль, повернула ключ. «Пежо» кашлянуло, чихнуло и заурчало с таким довольным видом, будто и не ломалось никогда в жизни.

Три минуты. Он починил её за три минуты.

— Клемма отошла, — сказал он, наклонившись к открытой двери. Вода текла по его лицу, по вискам, по тёмной небритой щетине. — Случается. Съездите в сервис, пусть проверят крепление. И вот — оставьте себе.

Он кивнул на зонт, который она всё ещё сжимала в руке, нелепо выставив его из машины.

— А как же вы?

— У меня машина в ста метрах. А вам ещё до дома добираться. — Он помолчал. — И включите печку. Вы синяя.

Даша поняла, что он сейчас уйдёт. Вот прямо сейчас развернётся и уйдёт через дождь к своей машине, и четыре дня подготовки, изучения маршрута, выбора места, выбора пальто — всё это уйдёт вместе с ним.

— Подождите! — сказала она, и он обернулся. — Я даже не знаю, как вас зовут. Куда мне вернуть зонт?

Он посмотрел на неё очень внимательно. Так, что Даше на секунду стало страшно: вдруг он видит брошь? Вдруг понимает, что там внутри?

— Никуда, — сказал он. — Это просто зонт. Хорошего вечера.

И ушёл.

Даша сидела в машине с работающим двигателем, с включённой на полную мощность печкой и чужим мокрым зонтом на пассажирском сиденье и смотрела, как тёмно-серый «Вольво» проезжает мимо. Он не посмотрел в её сторону. Не посигналил. Просто уехал.

Зубы всё ещё стучали.

— Ну что ж, — сказала она брошке на лацкане. — Раунд первый. Северов — один, Ковалёва — ноль.

Она потянулась к зонту, чтобы сложить его, и замерла. На деревянной ручке была выжжена маленькая надпись, кривоватая, детская, выжженная, судя по всему, выжигателем из набора «Юный мастер»:

ДЯДЕ ТОШЕ ОТ ТЁМЫ. ЧТОБЫ НЕ МОК НА МОСТАХ.

Даша долго смотрела на эту надпись. Потом аккуратно сложила зонт и положила его на заднее сиденье — бережно, как кладут спящего ребёнка.

Он отдал ей подарок племянника. Чужой женщине под дождём. И даже не сказал, как его зовут.

«Первый контакт. Инсценировка поломки автомобиля. Объект остановился сам, без просьбы. Устранил неисправность за 3 минуты. Имени не назвал, контактов не просил, предложений не делал. Оставил зонт и уехал. Всё время держал дистанцию. Результат: отрицательный».

Даша перечитала отчёт дважды. Потом стёрла последние два слова перед результатом и добавила одно: *«Вежлив»*. Подумала — и стёрла и его. Это была оценка, а оценок в отчё-

тах быть не должно.

Про надпись на зонте она не написала. Это тоже было не для отчёта.

Ответ пришёл через сорок минут, когда она уже стояла под горячим душем и чувствовала, как кожа удивлённо оживает после холода, покалывая тысячами иголок. Телефон зажужжал на стиральной машине. Она протёрла экран мокрой ладонью.

«Клиентка довольна. Просит продолжать. Следующий шаг — скалодром? В.»

Даша написала «Да» и снова шагнула под душ. Вода лилась по плечам, по груди, по животу, и она закрыла глаза и почему-то подумала о том, как он стоял под дождём и вода текла ему за воротник. О том, как намокшая ткань обтягивала его плечи. О том, как он сказал «вы синяя» — так, словно это было его личной заботой.

Она резко повернула кран, и на неё обрушился холод.

— Профессионализм, — сказала она себе сквозь стиснутые зубы. — Ковалёва. Профессионализм.

Скалодром «Вертикаль» занимал бывший цех текстильной фабрики на Бауманской. Потолки в пятнадцать метров, кирпичные стены, утыканные разноцветными зацепами, как мухоморами, запах магнезии, пота и резины. Антон приходил сюда по воскресеньям к десяти утра, когда народу было мало, — так сказала Виктория, а Виктория никогда не ошибалась в таких вещах.

Даша пришла в девять сорок. Купила разовое посещение, взяла в прокат скальники и обвязку, переоделась в чёрные лосины и свободную серую футболку, которая сползала с одного плеча. Брошки сегодня не было — камера была встроена в маленький мешочек для магнезии, пристёгнутый к поясу. Скалолазанием она занималась два года назад, при другой проверке, и с тех пор иногда ходила для себя. Ей нравилось, что на стене нельзя думать ни о чём, кроме следующего зацепа.

План был такой: занять трассу рядом с той, которую обычно выбирает он. Сорваться — не сильно, красиво. Попросить совета. Мужчины обожают давать советы, а ещё больше обожают держать страховку за женщину, которая висит над ними на верёвке. В этом есть что-то первобытное.

Антон пришёл в десять ноль ноль.

Она увидела его сразу, как только он вышел из раздевалки, и что-то внутри неё сделало маленькое сальто, как на качелях. Без пальто и свитера он казался другим человеком. Шорты, старая выцветшая футболка с надписью «МИИТ. Мосты и тоннели. Выпуск 2014», руки, от которых Даша не сразу смогла отвести взгляд. Не качка — а та сухая, жилистая сила, которая бывает у людей, умеющих подтянуться на одной руке. На левом предплечье — длинный белый шрам, старый, ровный, как от чего-то острого и металлического.

Он прошёл мимо неё к стене. Не посмотрел. Даша была почти уверена, что он не посмотрел — пока не услышала за

спиной:

— Как двигатель?

Она обернулась. Антон стоял в двух шагах, втирая магнезию в ладони, и смотрел на неё с тем самым непроницаемым выражением, с каким смотрят на чертёж с ошибкой.

— Здравствуйте, — сказала она, и удивление в её голосе было почти настоящим. Почти — потому что настоящее удивление было в другом: он подошёл сам. — Работает. Вы были правы, клемма. Я съездила в сервис.

Это была ложь. Она никуда не ездила.

— Хорошо, — сказал он. И потом, помолчав: — Странное совпадение.

— Что именно?

— Что мы встречаемся снова. В Москве двенадцать миллионов человек.

Даша сделала единственное, что можно было сделать в такой ситуации, — засмеялась.

— Двенадцать миллионов, и всего пять приличных скалодромов. Вы что, думаете, я за вами слежу?

— А вы следите?

Вопрос прозвучал спокойно, даже лениво. Но тёмные глаза смотрели на неё очень внимательно, и Даша почувствовала то, что чувствовала на стене, когда нога скользила с зацепа: такой короткий, острый толчок страха, где-то под диафрагмой.

— Конечно, — сказала она самым невинным тоном, на

какой была способна. — Я слежу за вами неделю. Сначала специально сломала машину у вашего офиса, а теперь пришла сюда, потому что знаю, что вы ходите сюда по воскресеньям. Чтобы вернуть вам зонт. Который я, кстати, забыла в машине.

Секунду он молчал. А потом — и это было так неожиданно, что Даша едва не выронила мешочек с магнезией, — он рассмеялся. Негромко, коротко, словно сам не ожидал от себя. И лицо его вдруг стало моложе лет на десять.

— Окей, — сказал он. — Сдаюсь. Антон.

Он протянул руку, всю в магнезии. Даша пожала её. Ладонь была сухой, шершавой, горячей, и на её пальцах остался белый след, как отпечаток.

— Даша.

Это было первое нарушение. На проверках она всегда называлась другим именем — Алина, Вероника, Маша, — а сейчас настоящее выскочило само, как пробка из бутылки. Она почувствовала лёгкую панику — и тут же, странно, облегчение. Пусть хоть что-то в этой истории будет правдой.

— Даша, — повторил он, словно пробуя имя на вкус. — И какую трассу вы сегодня собираетесь покорить, Даша?

Она кивнула на стену с оранжевыми зацепами — умеренную, с небольшим нависом в верхней части. Рядом с ней шла синяя, намного сложнее, — та, что он обычно проходил, если верить Виктории.

— Оранжевую. Но я никак не могу пройти навис. Всегда

срываюсь на перехвате.

Антон взглянул на стену. Потом — на неё. Потом снова на стену.

— Вы срываетесь, потому что висите на руках, — сказал он. — Женщины всегда висят на руках, потому что им кажется, что так надёжнее. А на нависе надо держаться ногами. Зацепитесь пяткой вот за тот большой, и вас потянет к стене. Ваш вес сам сделает работу. Это простая механика. Рычаг.

— Понятно, — сказала Даша, которая знала это и без него. — А вы не пострахуете?

Вот оно. Самое главное. Даша представила, как он держит верёвку, как смотрит на неё снизу вверх, как медленно спускает её — и как она опускается прямо в его руки. Старо, как мир. И всегда работает.

Антон смотрел на неё ещё секунду. А потом повернулся и помахал рукой кому-то в глубине зала.

— Серёга! Встань за девушкой на страховку, а? У неё навис не идёт.

Из глубины зала нарисовался инструктор — жизнерадостный бородач лет сорока в футболке с надписью «STAFF» и руками размером с лопату.

— С удовольствием! — гаркнул он. — Оранжевая? Отлично! Давайте-ка проверим вашу восьмёрку...

Даша перевела взгляд на Антона. Он уже стоял у синей трассы, спиной к ней, и пристёгивал свою верёвку к другому инструктору — худенькому парню с дредами.

Он не обернулся. Ни разу за весь час, пока она ползала по оранжевой трассе под радостные крики Серёги «Пятку! Пятку ставь! Отлично, умница!».

И навис она, кстати, прошла с первого раза — настолько она была зла.

Она сидела на лавке в раздевалке, стаскивая тесные скальники, когда на телефон пришло сообщение с незнакомого номера.

«Вы хорошо прошли навис. А зонт можете оставить себе. А.»

Даша смотрела на экран. Она не давала ему номера. Она никому здесь не давала номера — кроме девочки на ресепшн, когда покупала разовое посещение.

Он не смотрел на неё ни разу. И видел, как она прошла навис.

Она долго держала палец над клавиатурой. Потом написала:

«Вы же не смотрели».

Ответ пришёл через минуту.

«В зале зеркальная стена».

Даша медленно опустила телефон на колени и закрыла глаза. В груди было горячо и тесно — не от скалодрома.

Объект первым написал сообщение, сказал холодный уголок сознания. *Это нужно включить в отчёт.*

И впервые за шесть лет Даша Ковалёва вежливо попросила этот уголок заткнуться.

Глава 4. Он знает

Номер ей достал Стрельцов.

Бывший опер позвонил Антону в пятницу утром, прожёвывая что-то в трубку, и сказал с тем скукующим удовлетворением, с каким люди его профессии обычно сообщают гадости:

— Белая «пежо» двести восемь, две тысячи десятого года. Зарегистрирована на Ковалёву Дарью Игоревну, двадцать семь лет, прописка в Коломне, живёт на Соколе, съёмная. Официально числится менеджером в том самом «Лакмус-Консалтинге». Белая зарплата — сорок тысяч. Серая, судя по тому, какую квартиру снимает, раза в четыре больше. Не замужем. Детей нет. Мать умерла четыре года назад. Отец — раньше. Номер телефона пишите.

Антон записал. Потом спросил:

— Есть что-то ещё?

— Есть. — Стрельцов помолчал. — Той рыжей, что с вашим братом была, в базе нет. По фото я её не нашёл. А вот в том же «Лакмусе» на бумаге числится ещё одна менеджер. Шмидт Валерия. Фотографии с паспорта у меня нет. Но если вы позволите мне расходы ещё на пару недель...

— Позволю.

Он сидел с номером её телефона два дня. Даша Ковалёва. Дарья Игоревна. Мать умерла четыре года назад. Отец —

раньше. Антон не хотел знать этих вещей. Они делали её человеком, а он собирался думать о ней как о функции. Как о второй рыжей.

И всё-таки в воскресенье он стоял на скалодроме спиной к ней и смотрел в зеркальную стену на то, как она лезет по оранжевой трассе. Как напрягаются её плечи. Как сползает футболка. Как она замирает перед нависом, и стискивает зубы, и зацепляется пяткой — именно там, где он сказал, — и перетекает через край с такой лёгкостью, будто делала это сотню раз.

Она и делала это сотню раз. Антон понял это по тому, как она обвязывала восьмёрку, не глядя. Она лгала, что срывается на перехвате. Она срывалась, потому что так было нужно для дела. Она надеялась, что он встанет на страховку.

Он представил это — верёвка в его руках, её вес на его поясе, её взгляд сверху вниз, как он медленно спускает её прямо к себе, и её горячие от напряжения ладони на его плечах, — и позвал Серёгу.

Вот так. Просто позвал Серёгу, потому что понял, что не доверяет себе с этой верёвкой.

А потом, сидя в машине на парковке, написал ей сообщение. Он не собирался этого делать. План был другой — держать дистанцию, заставить её и тех, кто стоит за ней, нервничать, торопиться, делать ошибки. Но когда он увидел в зеркале, как она прошла навис и на секунду — всего на секунду, повиснув на верёвке под потолком, — засмеялась, счастливо

и беззащитно, как смеются дети...

Он не смог. Он просто не смог не написать.

«В зале зеркальная стена», — ответил он на её вопрос, и понял, что это признание. Признание в том, что он смотрел. В том, что он высматривал её, стоя спиной, целый час. И она его так и поймёт. Конечно, поймёт.

Он стукнул лбом о руль.

— Идиот, — сказал он вслух. — Северов, ты идиот.

Телефон завибрировал снова. Он думал, что это она. Оказалась Кира.

«Мне только что пришёл отчёт от них. Читаю вслух, готовься: «Второй контакт. Скалодром. Объект подошёл сам, узнал. Представился. Дал технический совет. От страховки отказался, передал инструктору. Всё время держал дистанцию». Точка. Всё. Про сообщение — ни слова. Северов, ты ей писал? Я же вижу, что писал. У тебя на лбу написано, что писал, даже отсюда».

Антон смотрел на сообщение долго. Про сообщение — ни слова.

Она не написала в отчёте про его сообщение. Про единственную его ошибку. Про единственный весомый факт за две встречи.

Почему?

В среду он написал ей снова. На этот раз он подумал заранее и сказал себе, что это часть плана. Агентство должно поверить, что он заинтересован. Агентство должно заторо-

питься. А для этого им нужна надежда.

«У меня в субботу приёмка моста в Парке Горького. Пешеходный, небольшой. Если хотите посмотреть, как запускают то, по чему ещё никто не ходил, — приходите к десяти. Возьмите зонт — обещают дождь».

Она ответила через два часа. Одним словом: *«Возьму»*.

Антон показал это Кире. Кира прочитала, фыркнула и вернула телефон.

— «Возьмите зонт», — передразнила она его низким голосом. — Северов, это флирт. Ты понимаешь, что это чистейшей воды флирт? У вас уже есть своя шутка. Внутренняя. Про зонт.

— Это не шутка. Дождь действительно обещают.

Кира посмотрела на него с жалостью.

— Северов. Я тебе как невеста говорю. Как фиктивная, но чуткая невеста. Будь осторожен.

— Я всегда осторожен.

— Вот именно, — сказала Кира. — Именно поэтому я и беспокоюсь. Те, кто всегда осторожен, не знают, как падать. У них нет опыта. Они падают сразу и насмерть.

Дождя в субботу не было.

Было серое низкое небо, холодный ветер с реки и жёлтые листья, прилипшие к мокрому асфальту. Даша пришла в десять ровно — с его зонтом, сложенным и перетянутым ремешком, как трость. В тёмно-синем пальто, джинсах и ботинках на толстой подошве. Без каблуков — он отметил это,

как и то, что волосы у неё были распущены и ветер бросал их ей в лицо. Она не была накрашена, или была, но так искусно, что он, не разбиравшийся в таких вещах, не мог сказать наверняка.

Шарф. На ней был крупной вязки серый шарф, намотанный до подбородка, и в складках этого шарфа, на уровне ключицы, поблёскивала маленькая серебряная булавка с чёрным камушком. Антон видел такие камушки в каталоге, который прислал ему Стрельцов.

Он улыбнулся камере.

У него в кармане лежали ключи на брелке-флешке, и они тоже записывали. Два шпиона на набережной, подумал он, и вдруг ему стало смешно и грустно одновременно.

— Вы сказали, что будет дождь, — сказала она вместо приветствия, протягивая ему зонт. — Вы меня обманули.

— Я сказал, что обещают. Это разные вещи. — Он не взял зонт. — Оставьте себе. Я же написал.

— Не могу. — Она перевернула зонт ручкой кверху, и он увидел выжженную надпись. — Это не просто зонт. Тёма расстроится.

Антон смотрел на надпись. Он не думал о ней, когда отдавал зонт. Он вообще не думал — просто увидел, что она синяя от холода, и отдал первое, что было в руках. А теперь она стояла перед ним и говорила «Тёма расстроится» так, будто знала Тёму. Будто ей было дело до чужого петилетнего мальчика, который сейчас жил в Вологде и спрашивал по

телефону, почему папа больше не приезжает.

Он взял зонт.

— Спасибо, — сказал он. И это было самое искреннее слово, которое он сказал за последние недели.

Мост был маленький. Деревянный настил на стальных балках, тонкие лееры, одна плавная дуга над прудом, в котором плавали надутые от холода утки. В нём не было ничего выдающегося — кроме, пожалуй, того, как он ловил свет. Даже в этот серый день стальные дуги под настилом светились мягким серебром, как рыбья чешуя.

На приёмке было человек десять: представители парка, двое строителей в оранжевых жилетах, суровая дама из технадзора с папкой. Антон работал — и Даша смотрела, как он работает, стоя чуть поодаль, сунув руки в карманы. Он что-то объяснял даме из технадзора, показывая на опоры, и она кивала всё чаще, и в какой-то момент перестала быть суровой. Он не улыбался ей, не шутил. Просто говорил — спокойно, точно, с такой очевидной любовью к тому, о чём говорит, что Даше захотелось подойти поближе и послушать про нагрузки на балки.

А потом дама поставила подпись, строители сняли ограждающую ленту, и Антон обернулся к ней.

— Ну вот, — сказал он. — По нему ещё никто не ходил. Кроме строителей и меня. А мы не считаемся.

— Почему?

— Потому что мы знаем, что он выдержит. А настоящий

первый шаг — это шаг человека, который не знает. Который просто доверяет.

Даша посмотрела на мост. Потом на него.

— Вы хотите, чтобы я была первой?

— Я хочу, чтобы первым был человек, который пойдёт не по работе. — Он помолчал. — А вы ведь не по работе сюда пришли?

Он сказал это совершенно спокойно. Без нажима, без намёка. Но Даша почувствовала, как земля чуть качнулась под ногами — как будто она уже стояла на середине этого моста и не знала, выдержит ли он.

— Не по работе, — сказала она.

И пошла.

Доски под ногами были светлыми, пахли свежим деревом и пропиткой. Раз шаг. Два. На середине она остановилась и положила ладони на леер. Внизу была тёмная вода и утки. Вдали — серая река и серые дома на другом берегу. И вдруг Даша почувствовала себя странно счастливой — без причины, без основания, как бывает в детстве, когда просыпаешься и понимаешь, что выпал первый снег.

Она обернулась. Антон стоял у начала моста и смотрел на неё, и лицо у него было таким, что Даша на секунду забыла, зачем пришла.

А потом вспомнила — и счастье погасло, как выдернутая из розетки гирлянда. Булавка с чёрным камушком холодила кожу через шарф.

Потом они сидели в маленьком кафе на задворках Крымского Вала, где давали грузинский чай в стаканах с подстаканниками и горячие хачапури, и на окнах висели красные занавески в горошек. Начался дождь — тот самый, обещанный, — и они добежали сюда под зонтом с детской надписью, и зонт был слишком маленьким для двоих, и им пришлось идти очень близко. Его плечо касалось её плеча. Он держал зонт над ней, и его левый бок промок.

Опять, подумала Даша. *Он опять держит зонт над ней, а не над собой.*

— Расскажите про Тёму, — попросила она, грея пальцы о стакан.

И сразу поняла, что спрашивает не по работе. По работе нужно было спрашивать про невесту. Про свадьбу. Про то, не сомневается ли он. А ей хотелось знать про мальчика, который выжигал буквы на ручке зонта.

Антон помолчал.

— Тёма — сын моего брата. Ему сейчас семь. Он любит мосты. Не потому, что я их строю, а сам по себе. Когда ему было три, он построил из кубиков мост от дивана до кресла и сказал: «Теперь мама и папа могут ходить друг к другу в гости». — Он усмехнулся, но невесело. — Сейчас он живёт в Вологде с мамой. А его папа — здесь.

— Они развелись?

— Да.

— Почему?

Антон поднял на неё глаза, и Даша вдруг поняла, что спросила лишнее. В его тёмных глазах было что-то такое, от чего у неё замёрзли пальцы, даже несмотря на горячий стакан. Не злость. Что-то холодное и очень терпеливое. Так смотрит охотник, который давно сидит в засаде.

А потом это исчезло, и он снова стал просто уставшим человеком в мокром свитере.

— Потому что кто-то решил, что им не нужно быть вместе, — сказал он. — И сделал так, чтобы они не были.

Даша молчала. За окном дождь барабанил по жестяному козырьку. Она не понимала, о чём он говорит, — не понимала и не хотела понимать, потому что где-то на краю сознания мелькнула фотография пустой детской комнаты и сорок два комментария под ней.

— А вы? — спросил он. — У вас есть братья, сёстры?

Нужно было соврать. У неё была легенда — сестра в Петербурге, родители на пенсии под Тверью, кот по имени Граф. Она рассказывала эту легенду десятки раз.

— У меня есть брат, — сказала она. — Сводный. По отцу. Ему сейчас лет четырнадцать. Я видела его один раз в жизни, когда ему было восемь. В ресторане. Он ел крем-брюле и называл моего папу папой. А я приносила им это крем-брюле на подносе. И уронила.

Она сама не поняла, зачем это сказала. Этого не знал никто, кроме Виктории. Даже Лера не знала.

Антон смотрел на неё долго. И ничего не сказал — ни

«мне жаль», ни «какой ужас», ни одной из тех пустых вежливых фраз, которые люди говорят, чтобы заткнуть неловкую паузу. Просто смотрел. А потом подвинул к ней тарелку с хачапури — последний кусок, с самым толстым краем, — и сказал:

— Ешьте. Вы опять синяя.

Даша рассмеялась — слишком громко, слишком резко, потому что иначе бы заплакала. И взяла хачапури.

Вечером Антон сидел в тёмной кухне своей квартиры в Хамовниках и слушал запись.

Он не должен был её слушать целиком. По плану — только ключевые фрагменты. Имена, цифры, оговорки. А он слушал целиком, с самого начала, со свиста ветра на набережной и скрипа свежих досок.

«У меня есть брат. Сводный. По отцу».

Он остановил запись. Включил снова.

«...А я приносила им это крем-брюле на подносе. И уронила».

Стрельцов сказал: «Отец — раньше». Всего два слова. А за ними, оказывается, был ресторан, и поднос, и девчонка, которая смотрела на чужую семью своего отца.

Антон вдруг очень ясно понял, почему она делает то, что делает. И понимание это было таким неудобным, что ему захотелось выбросить его, как выбрасывают чертёж с фатальной ошибкой в расчётах.

Он был уверен, что агентство — это зло. А люди, кото-

рые там работают, — его инструменты. Холодные, циничные, жадные. Так было проще — ненавидеть их всех разом, сплошняком, без разбора.

А теперь перед ним был человек. Девушка, которая уронила поднос. Которая мёрзла на обочине и молчала об этом в отчётах. Которая прошла по его мосту первой — и обернулась с таким лицом, что он до сих пор чувствовал его где-то под рёбрами, как недолеченный ушиб.

Телефон мигнул в темноте. Кира.

«Новый отчёт. Читаю: «Третий контакт. Приглашение исходило от объекта. Рабочее мероприятие, затем кафе. Объект говорил о семье брата. О невесте не упоминал. Физического контакта не было. Интерес к агенту — вероятно, дружеский». Вероятно, дружеский, Северов! Я сейчас умру. Она врёт своим же людям. И ты тоже врёшь. Вы два идиота».

А через минуту — ещё одно:

«И ещё. Виктория Сергеевна приписала от себя: «Не волнуйтесь. Такие, как ваш жених, сдаются не сразу. Но сдаются всегда. У нас ещё пять недель». Меня от неё трясёт, Антон. Честно».

Антон перечитал последнюю фразу ещё раз.

Сдаются всегда.

Он выключил телефон, положил его экраном вниз и долго сидел в темноте, слушая, как дождь стучит по подоконнику. Тот самый дождь, обещанный. Пришедший с опозданием.

Он подумал о том, что она сейчас, наверное, тоже слушает этот дождь. В своей квартире на Соколе. Одна.

И подумал, что Виктория Сергеевна ошибается. Он не сдастся.

Просто не потому, почему она думает.

Глава 5. Невеста

— Она хочет присутствовать, — сказала Виктория.

Даша подняла глаза от чашки. В кабинете пахло пионами и дорогим чаем, за окном таял первый снег, слишком ранний и слишком мокрый, чтобы удержаться.

— Присутствовать где?

— При контакте. В пятницу они ужинают в «Северяне» на Пречистенке. Кира хочет, чтобы ты была там и подошла к ним, пока она будет за столом. Как старая знакомая. Хочет посмотреть, как он поведёт себя при ней.

— Это глупо. При невесте все ведут себя хорошо.

— Это ты так думаешь. — Виктория поправила пион в вазе, и один лепесток сорвался и упал на оникс. — А я видела мужчин, которые гладили колено нашей девочки под столом, пока жена рассказывала про внуков. У мужчин странные отношения с риском, Даша. Они его любят.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.